

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.102-112

А. Р. Шарипова

Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Российская Федерация

Отечественные процессуальные кодексы: своеобразие текстуального оформления правовых институтов

Резюме. С учетом тенденций универсализации и дифференциации в процессуальном праве делается предположение о существовании сходных закономерностей в языке процессуального права. Определена необходимость исследования лингвистического и текстологического своеобразие текстов уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального законов. Выявлены некоторые особенности языка этих законов в плане семантики, грамматики, лексики, синтаксиса и текстологии. Приведены примеры омонимии, синонимии, оксюморона, нарушения языковых норм в части орфографии и правильного порядка слов, использования одинаковых заголовков, объединения разнородных элементов в структурные элементы нормативного правового акта, лексических закономерностей. Выявляется нормативное значение заголовков; приводятся примеры, отражающие проблемы структуры процессуальных законов. Называется яркая текстологическая особенность УПК РФ — статья 5, включающая в себя определение основных употребляемых в законе терминов. Отмечается синтаксическое усложнение языка процессуальных законов в последние годы. Выявляются лексические особенности отдельных процессуальных законов, демонстрирующие их содержательное своеобразие. Высказано предположение о влиянии качества и особенностей нормативного юридического языка на язык судебных актов и язык юридической науки.

Ключевые слова: уголовный процесс; гражданский процесс; арбитражный процесс; административный процесс; конвергенция; юрислингвистика; язык закона; текстология; лингвистика; правосудие

Для цитирования: Шарипова А. Р. Отечественные процессуальные кодексы: своеобразие текстуального оформления правовых институтов. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 102–112. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.102-112

Russian Procedural Codes: Textual Distinctiveness in Framing Legal Institutions

Aliya R. Sharipova

Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

Abstract. Considering the trends towards universalization and differentiation in procedural law, the paper hypothesises that similar patterns exist in the language of procedural law. It identifies the need to study the linguistic and textological distinctiveness of the texts of the Criminal Procedure Code, Civil Procedure Code, Arbitration Procedure Code, and Administrative Procedure Code. The study reveals certain features of the language of these laws in terms of semantics, grammar, vocabulary, syntax, and textology. Examples of homonymy, synonymy, oxymoron, violations of linguistic norms in terms of spelling and correct word order, the use of identical headings, combining heterogeneous elements into structural elements of a normative legal act, and lexical patterns are given. The normative meaning of headings is revealed; examples reflecting the problems of the structure of procedural laws are given. The author names the striking textual feature of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, namely Art. 5, which includes the definition of the main terms used in the law. The syntactic complication of the language of procedural laws has been noted in recent years. The lexical

© Шарипова А. Р., 2026

features of individual procedural laws are revealed, demonstrating their substantive originality. An assumption is made about the influence of the quality and features of the normative legal language on the language of judicial acts and the language of legal science.

Keywords: criminal procedure; civil procedure; arbitration; administrative process; convergence; legal linguistics; language of law; textual studies; linguistics; justice

Cite as: Sharipova AP. Russian Procedural Codes: Textual Distinctiveness in Framing Legal Institutions. *Lex russica*. 2026;79(7):102-112. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.102-112

Введение

Современная отечественная юрислингвистика в немалой степени разработала многие направления, в том числе выявила особенности языка отдельных отраслей закона и права¹. Преимущественно применяемое к праву направление языкознания, по нашему мнению, семантика, изучающая смысловое значение языковых единиц, в первую очередь лексическая², т.е. выявляющая соотношение смыслов между разными словами: максимально разработаны тексты законодательных актов с точки зрения синонимии³, метафории⁴ (использование слов в переносном значении), использования синекдох⁵ (перенос смысла общего на частное и наоборот), метонимий⁶ (замена слов по их смысловой связи) и пр.

Ошибочно полагать, что исследования языковых особенностей, закономерностей и проблем применительно к юридической устной и письменной речи и тексту представляют собой

разновидность лингвистических изысканий с легким налетом юриспруденции. Поскольку текст выступает единственной формой существования закона, постольку все проблемы текста становятся проблемами закона, а вслед за ним — правоприменения и процессуального документооборота. Именно поэтому в отечественной уголовно-процессуальной науке многие годы проявляется активный интерес к текстуальному оформлению нормативно-правовых предписаний с позиции адекватности отражения в них законодательных идей и возможных вариантов их толкования на практике⁷.

Должны быть найдены названия, причины, факторы, следствия этих проблем — и предложены варианты решений. Почему в п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым названо лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20, если в ст. 140 УПК РФ основание для возбуждения уголовного дела (наличие достаточных данных, указывающих

¹ Масленников М. Я. Структура и язык изложения региональных законов об административной ответственности // Административное право и процесс. 2005. № 4. С. 32–35 ; Кострова М. Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 63–73 ; Лелетина А. В. Юридический язык ведомственного нормотворчества: проблемы правового регулирования и практики // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 88–102 ; Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2003.

² Пучков В. О. Историческая семантика обеспечительных обязательств: язык и догма права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 4. С. 78–92 ; Курбатова Н. Б., Силенкова А. В. Семантические особенности языка в заявках на товарные знаки и знаки обслуживания // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 1. С. 72–78 ; Асланян Н. П. «Комплексная отрасль права» как терминологическое недоразумение // Современное право. 2024. № 1. С. 12–22.

³ Малинова А. Г. Проблемные вопросы синонимических сравнений в правоведении (на примере слова «интерес») // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 11–19.

⁴ Лескина Э. И. Лингвистические аспекты в гражданском процессуальном праве: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. С. 3–6.

⁵ Кострова М. Б. Указ. соч.

⁶ Зюков А. М. Юридическая техника уголовного закона в нормах о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2010. № 2. С. 14–17.

⁷ Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М. : Наука, 1987. 288 с. ; Тарасов А. А. Соотношение буквального перевода и толкования юридических терминов в уголовно-процессуальной компаративистике // Вестник СПбГУ. Право. 2024. Т. 15. Вып. 1. С. 49–66.

на признаки преступления) приводится в единственном числе, а никаких других оснований нет? В лингвистической науке это явление называется синекдохой — использованием слова во множественном числе в значении единственного числа. С чем мы имеем дело в данном случае: либо слово «основание» в ч. 2 ст. 140 УПК РФ употреблено не вполне точно, например потому, что «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» предполагают разные варианты оснований, либо, напротив, это слово в ч. 1 ст. 46 УПК РФ должно употребляться в единственном числе?

Занимаясь исследованием общего и особенного в процессуальных отраслях права, мы задались вопросом, есть ли какое-то лингвотекстологическое своеобразие у уголовно-процессуального, арбитражного процессуального, гражданского процессуального и административного процессуального законов. Дуализм формы и содержания предопределяет, что существование определенных закономерностей и связей между смыслами отраслей процессуального права вызывает и является вызванным некими закономерностями и связями между формами этих отраслей, включая очевидную форму законодательного текста. Если существуют определенные тенденции универсализации и дифференциации в межотраслевом соотношении процессуальных отраслей на уровне их содержания, то можно допустить, что эти явления в какой-то степени присущи и языковой форме существования права. В статье мы хотим обозначить сквозные для процессуальных законов языковые явления и предположить их связь с соответствующими отраслевыми особенностями исследуемого процессуального права.

Семантика

Относительно мало описанное нежелательное явление в выборе законодательных терминов — омонимия (совпадение слов, значения которых не связаны друг с другом), чуть более распространенное — полисемия (многозначность слов, при котором значения связаны по смыслу), довольно подробно изучаемое — синонимия (употребление разных слов, значения которых полностью или частично совпадают). Сочетание омонимии и синонимии, причем в

очевидно нежелательном для закона проявлении, встречается в процессуальных кодексах — это термины «судебный штраф» и «денежное взыскание».

Предусмотренные статьей 119 АПК РФ, ст. 105 ГПК РФ, ст. 123 КАС РФ судебные штрафы и статьей 117 УПК РФ денежное взыскание — практически одна и та же мера процессуальной ответственности, однако термины используются разные. В данном узком процессуальном смысле, который задан терминам указанными статьями кодексов, «судебный штраф» и «денежное взыскание» — синонимы.

А вот с точки зрения соотношения гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального судебных штрафов с судебным штрафом — мерой уголовно-правового характера, предусмотренной статьей 104.4 УК, — это омонимы — одинаково звучащие словосочетания с совершенно разным смыслом. С учетом того, что глава 15.2 «Судебный штраф» была введена в УК в 2016 г., а одноименный институт существует в АПК РФ и ГПК РФ с 2002 г., совершенно непонятно, зачем законодатель использовал уже «занятый» термин при общем богатстве русского языка и очень малой пригодности упомянутого словосочетания для обозначения конкретной меры уголовно-правового характера.

Наиболее близким к языковому понятию «оксюморон» (сочетание противоречащих друг другу понятий) является то, что С. В. Бажановым названо «семантической несостоятельностью термина» применительно к словосочетанию «недопустимые доказательства»⁸, которое употребляется в ст. 61 КАС РФ и ст. 75 УПК РФ. Смысл лингвистических претензий к этому словосочетанию заключается в том, что с точки зрения корреспондирующих норм «доказательства» — это допустимые сведения», а значит, «недопустимые доказательства» — это «недопустимые допустимые сведения». Отдельно отметим, что среди многочисленных случаев межотраслевой процессуальной омонимии и полисемии находится и использование термина «допустимость» применительно к доказательствам. В отличие от УПК РФ и КАС РФ, в ст. 60 ГПК РФ и ст. 68 АПК РФ соответствующие нормы устанавливают, что обстоятельства дела, которые согласно закону должны быть подтвержде-

⁸ Бажанов С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17. С. 6–8.

ны определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Грамматика

Казалось бы, на уровне федеральных законов ставить вопрос о соблюдении грамматических правил необходимости нет: язык должен быть эталонным. Нам удалось обнаружить как минимум две странности. Первая — написание слова «видео-конференц-связь» в УПК РФ (ст. 189.1 и др.), но «видеоконференц-связь» в АПК РФ (ст. 153.1 и др.), ГПК РФ (ст. 155.1 и др.) и КАС РФ (ст. 142 и др.). Нормативным является первый вариант, с двумя дефисами. Отметим, что отчасти объяснимый правилами русского языка второй вариант далеко не самый необычный: в массе нормативных правовых актов и научной литературы (которые не будем приводить по этическим соображениям) встречается слитное написание «видеоконференцсвязь» вообще вне связи с грамматикой.

Более известное и старое орфографическое недоразумение — неправильное написание слова «оперативно-розыскная» в УПК РФ вместо признаваемого верным варианта «оперативно-разыскная». При этом слово «разыскиваемый» в УПК РФ пишется верно (ст. 182, 210 УПК РФ). Неверный вариант также воспроизводится в федеральных законах «О прокуратуре РФ»⁹, «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁰, а верный — в КоАП и УК. Из этого старого грамматического фокуса законодателя некоторые исследователи даже делают вывод о незаконности производства «оперативно-разыскных» мероприятий, которые не предусмотрены Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹¹. Нельзя не отметить и того факта, что другие авторы считают возможным и необходимым использовать в своих текстах грамматически правильное написание

термина «оперативно-разыскные мероприятия» вопреки тому, что имеется в действующих законах¹².

Нарушение порядка согласования слов в предложении изредка попадает в законодательные тексты, несмотря на фильтры корректорской работы. Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ в редакции после принятия Федерального закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ¹³ и вплоть до принятия Федерального закона от 09.03.2010 № 19-ФЗ¹⁴ было странное третье предложение: «При проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов». Спустя почти 7 лет правильный порядок слов был восстановлен, теперь норма выглядит таким образом: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе... требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов».

Еще один пример, когда смысл был потерян из-за ошибки в окончании слова, допущенной законодателем при дополнении ст. 237 УПК РФ частью 4 (утратила силу в конце 2008 г.): «Производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий, не предусмотренных настоящей статьей, по уголовному делу, возвращенному *прокурором*, не допускается». Между тем речь в этой статье идет о возвращении уголовного дела прокурору, а вовсе не им самим кому бы то ни было.

Текстология (структура и заголовки)

В лингвистической литературе нет единства мнений о функциональном назначении заголовков в тексте: помимо навигационного значения,

⁹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 18 февраля. № 39.

¹⁰ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 августа. № 160.

¹¹ Красинский В. В. О соотношении понятий «оперативно-розыскная деятельность» и «оперативно-разыскная деятельность» // Современное право. 2012. № 8. С. 34–37.

¹² Гаспарян Н. С., Лямин А. А. Энциклопедия недопустимых доказательств. М. : Информ-Право, 2025. С. 3, 39.

¹³ Российская газета. 2004. 10, 11 июля. № 135, 137.

¹⁴ Российская газета. 2010. 12 марта. № 51.

заголовки содержат «нераскрытое» содержание текста, выражают его основную идею¹⁵. Суды разных систем и уровней придают нормативное значение заголовкам статей, глав, разделов и нормативных актов в ходе системного толкования норм¹⁶. Следовательно, заголовки должны максимально соотноситься с содержанием текста, а также между собой, поскольку иное не только вносит «пользовательское» неудобство, но и затрудняет выявление нормативного смысла.

Неслучайно в юридической литературе нередко высказываются претензии к названиям статей законов, которые могут быть шире или уже озаглавленного ими текста либо могут вообще исказить его смысл¹⁷. По мнению А. И. Ситникова (которое мы в полной мере готовы распространить с уголовного закона, о котором оно высказано, на процессуальные законы), заголовки выполняют три функции: номинативную (служат наименованиями), информативную (предоставляют сведения о структуре кодекса и его содержании) и интегративную (придают связанность и целостность)¹⁸.

Логика текста требует, чтобы заголовки мелких структурных элементов соответствовали заголовкам крупных как части целого и по крайней мере не совпадали. Это правило нарушается: заголовок ст. 61 УПК РФ «Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу» практически совпадает с названием гл. 9 «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве». К слову, смысловые аналоги гл. 9 УПК РФ в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ именуются иначе — «Отводы».

Полностью совпадают заголовки главы 11 УПК РФ и первой входящей в нее статьи 85 — «Доказывание», главы 13 и статьи 98 — «Меры пресечения». Заголовок разд. XVII полностью совпадает с заголовком единственной входящей в него главы 52 «Особенности произ-

водства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц», что одновременно неверно текстологически и бессмысленно структурно.

Не вполне отвечает назначению заголовков и использование одинаковых наименований для разных статей закона. В УПК РФ ст. 179 и 190 именуются «Освидетельствование», ст. 181 и 288 — «Следственный эксперимент», ст. 183 и 289 — «Предъявление для опознания», ст. 205 и 282 — «Допрос эксперта» и др. Это дублирование совершенно понятно с учетом общей раздвоенности всей структуры уголовного процесса и УПК РФ на досудебное и судебное производства. Отказ законодателя от выделения следственно-судебных действий в единый сквозной элемент уголовно-процессуального закона подтверждает изложенную нами ранее идею о принципиальной разнородности досудебного и судебного производства, которая заставляет задуматься о раздельном их нормативном регулировании.

Повторами в УПК РФ отличаются не только заголовки, но и сами нормы: в общих нормах о процессуальном статусе специалиста, закрепленных в ст. 58, 168 УПК РФ, указано на возможность привлечения к участию в них специалиста; в части 5 ст. 186.1, посвященной конкретному следственному действию — получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, повторяется указание на эту возможность; подобных примеров в УПК РФ множество¹⁹.

Составные заголовки предполагают, что в последующем тексте объединены связанные по смыслу понятия, и по крайней мере в основном это правило соблюдается. Мы можем проследить логику объединения понятий в гл. 24 УПК РФ «Осмотр. Освидетельствование. Следственный эксперимент», гл. 26 «Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний» и не-

¹⁵ Поповская В. И. Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 29–34.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О «По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.03.2008 по делу № А42-1360/2005; определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.07.2023 № 88-6972/2023.

¹⁷ Васяев А. А., Волощенко А. В. О едином процессуальном пространстве или о некоторых несоответствиях УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 2. С. 36–38.

¹⁸ Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3. С. 106–122.

¹⁹ Шибанова Е. В. О некоторых ошибках законодательной техники УПК РФ // Российский следователь. 2013. № 17. С. 23–26.

которых других. Но почему, например, в гл. 17 объединены «процессуальные сроки» и «процессуальные издержки» — непонятно. Объединяющий данную главу со следующей главой 18 «Реабилитация» раздел VI «Иные положения» вполне мог бы вместить в себя три главы с разделением самостоятельных по смыслу «процессуальных сроков» и «процессуальных издержек». Наше предположение заключается в том, что в гл. 17 объединены не связанные между собой институты чисто механически, ради пропорциональности размеров глав. Структурирование текста является не только логико-техническим способом его организации, оно также расставляет смысловые акценты, подчеркивает значимость отдельных подотраслей, институтов и норм. Мы можем предположить, что текстуальная разработанность правового института пропорциональна оценке законодателем его значимости. Иными словами, объединение в один структурный элемент разнородных норм, упоминание чего-либо мельком — свидетельство соответствующего отношения к предмету регулирования этих норм. Сроки, издержки и реабилитация не есть первоочередные для законодателя институты уголовно-процессуального права, объединенные по остаточному принципу в «иные положения».

УПК РФ имеет ярко выраженную особенность структуры по сравнению с другими процессуальными кодексами — статью 5 «Основные понятия», которую некоторые исследователи считают американским вариантом конструкции кодексов в противовес пандектной²⁰. Ключевые термины отрасли законодательства должны быть определены в соответствующем процессуальном кодексе, неважно — в отдельной статье или по ходу изложения норм. Помимо очевидного значения для правоприменения, раскрытие понятий позволило бы сравнить смысл одних и тех же терминов в разных отраслях. Мы абсолютно солидарны с Д. В. Чухвичевым, утверждающим, что отраслевые различия в значениях терминов «десистематизируют законодательство, препятствуют складыванию в сознании адресата правового регулирования

единой модели поведения, создают губительные по последствиям внутриправовые барьеры, не дают отраслям права полноценно взаимодействовать между собой»²¹.

Синтаксис

Упорядочивание мыслей в предложения, структура и виды предложений имеют ключевое значение для обеспечения понятности текста. Исследования показывают ярко выраженную тенденцию к синтаксическому усложнению текстов нормативных правовых актов. Так, за последние 30 лет тексты законов в среднем стали сложнее на 33 % — исходя из таких показателей, как общее количество слов, количество глаголов, причастных оборотов, зависимых слов и т.д.²² Совершенно понятно, что язык усложняется вслед за усложнением общественных отношений, чем выше уровень требований к процедуре, тем более детально она должна быть описана. На уровне простой арифметики мы увидим, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. при общем концептуальном сходстве его с более поздними уголовно-процессуальными законами состоял всего из 42 тыс. слов, УПК РСФСР 1960 г. — из 70 тыс. слов, а действующий УПК РФ — из 135 тыс. слов. С одной стороны, поменялось очень многое: общественно-политический строй, экономические условия, судостроительство, уровень образования людей, правовая система, техническая оснащенность и т.п. Но, с другой стороны, огромное, непостижимое различие по этим параметрам между 1864 г. и 1960 г. обернулось значительно меньшим усложнением уголовно-процессуального закона, чем в общем-то менее радикальные изменения, произошедшие после 1960 г. Это означает, что усложнение юриспруденции, в том числе языковое, имеет не только экзогенные, но и эндогенные причины.

В иностранной юридической науке ведется дискуссия о необходимости «простого языка» для нормативных и ненормативных юридических актов²³, возникшая в связи или параллель-

²⁰ Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Юрайт, 2022. С. 276–278.

²¹ Чухвичев Д. В. Законодательная техника : учеб. пособие. М., 2012. С. 238.

²² Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 399–426.

²³ Sullivan R. The Promise of Plain Language Drafting // McGill Law Journal. 2002. Vol. 47. Iss. 1. P. 97–128.

но с некоторыми нормативными попытками добиться этой «простоты»²⁴. За синтаксическими (лексическими и пр.) особенностями юридических текстов, которые в совокупности превращают их в объективно сложные для восприятия, стоит важный мировоззренческий вопрос. Что в действительности требуется от законов: быть понятными населению или быть непротиворечивыми, беспроblemными, логически безупречными — и до конца понятными только профессионалам? Применительно к процессуальным законам этот вопрос стоит особенно остро: население не пользуется этими законами в обыденной жизни, по большей части они и адресованы профессионалам, а не простым гражданам. Однако развивать мысли в этом направлении опасно, особенно если речь идет об уголовном процессе, ведь законодателю и правоприменителю и так постоянно требуются усилия, чтобы обвиняемый «из бесправного и беспомощного объекта уголовного преследования... стал равноправным участником процесса»²⁵.

Точные подсчеты лексической и синтаксической сложности разных нормативных правовых актов ведутся при помощи специальных программ; поэтому мы, не претендуя на точность, в рамках статьи ограничимся отдельными «ручными» измерениями. Самыми сложными синтаксически, на наш взгляд, являются нормативные акты финансово-бюджетной сферы. По легко исчисляемому параметру «количество слов в статье» процессуальные законы сложнее, чем многие материальные, причем среди процессуальных наиболее сложен УПК РФ, а самый простой — ГПК РФ. Так, в среднем в одной статье (что отражает одновременно синтаксическую и структурную сложность текста) Уголовно-процессуального кодекса РФ 247 слов, Гражданского процессуального кодекса РФ — 170, Гражданского кодекса РФ — 167, Семейного кодекса РФ — 147. Оправданием сложности процессуальных кодексов служит то, что они,

относительно материального права, в большей степени адресованы юристам-профессионалам, а не обывателям, хотя, как мы указали выше, не следует увлекаться этой идеей.

Лексика

Некоторые описанные в литературе лексические особенности нормативных правовых актов заключаются в использовании клише²⁶, применительно к УПК РФ — в употреблении слов в неточном значении и тавтологии²⁷.

Сопоставление частоты употребления некоторых «ключевых» слов в текстах четырех процессуальных кодексов позволило обнаружить следующие закономерности.

Слово «должен» встречается в УПК РФ 42 раза, а в АПК РФ — только 11; «принуждение» упоминается в УПК РФ 19 раз и ни разу — в АПК РФ и ГПК РФ, но при этом «вправе» в УПК РФ используется 537 раз, а в АПК РФ — 731 раз.

На основании одних только этих данных делать какие-то выводы нельзя. В слове «принуждение» нет ничего чуждого любой отрасли права, поскольку обеспеченность государственным принуждением является неотъемлемым свойством права; «должен» и «вправе» — слова, при помощи которых формулируются обязанности и права, их использование абсолютно естественно для юридического текста. Однако количественное сопоставление частоты употребления этих слов можно считать неким маркером тогда, когда речь идет о сравнимых и даже очень близких (до степени аналогичности, а иногда и универсальности) нормативных правовых актах. Уже имеющиеся у нас знания об огромном (по сравнению с другими процессуальными кодексами) правоограничительном ресурсе УПК РФ, о более умеренном использовании в нем диспозитивного метода вполне подтверждаются некоторыми лексическими тенденциями.

²⁴ The Canadian Style: A Guide to Writing and Editing, Government of Canada Publications // URL: <https://publications.gc.ca/site/eng/68599/publication.html>.

²⁵ Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. проф. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 58.

²⁶ Батюшкина М. В. Законодательные клише: специфика, виды и функции // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 7–14.

²⁷ Марфицин П. Г. Некоторые аспекты совершенствования языка уголовно-процессуального закона // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 58–62.

Попутно сказанное

Язык закона признается большинством исследователей лишь одним из субстилей юридического языка²⁸. Совершенно самостоятельными, достойными изучения с позиций юрислингвистики являются язык судебных актов разных видов судопроизводства и язык научных исследований различных научных специальностей. По некоторым расчетам, язык текстов судебных актов — наиболее сложный среди всех юридических, включая язык научных текстов²⁹. Оба открывают богатейшие возможности для наблюдений и обобщений: есть ли взаимосвязь между качеством судебных актов и длиной их текстов; какова доля цитирования нормативных актов в структуре судебных актов; как соотносятся по объему обвинительные и оправдательные приговоры, постановления об отмене и об оставлении без изменения, апелляционные и кассационные определения, определения и постановления одного и того же порядка и процессуального значения с разницей только в единоличном и коллегиальном составе суда; насколько подробны и мотивированы особые мнения; есть ли в судебных актах внутренняя структура, помимо нормативно предписанной, и т.д. Интересны и уже сделанные в науке наблюдения, например относительно использования метафор в текстах правоприменительных актов (от зарубежных «плодов отравленного дерева» до отечественного «выиграть дело»)³⁰.

Что касается языка юридической процессуальной науки, то он не является производным от языка нормативных актов. В нем происходят собственные процессы, в числе которых выработка собственного жаргона (либо инкорпорация профессионального ведомственного жаргона). Пример этого — широкое употребление в научных текстах оперативно-разыскного жаргонизма «фигурант», правоохранительных жаргонизмов «доследственная проверка», «признавательные показания» и т.д.

Упоминание языка судебных актов и юридической науки в контексте рассуждений о языке нормативных актов неслучайно: система эта устроена по принципу сообщающихся сосудов, поэтому тенденции, обнаруженные в одной части права, можно ожидать и в других.

Еще одна перспектива языка нормативных актов, ожидающая нас в связи с глобальной цифровизацией, — приспособление его к машиночитаемости. В науке обсуждаются разные варианты «цифровизации юридического языка» — от абсолютной компьютерной алгоритмизации юриспруденции до компромисса по «человекочитаемости машиночитаемого права»³¹. Не только межотраслевая процессуальная конвергенция, но и потребность в машинной обработке больших объемов текста предрасполагает к появлению некоего универсального юридического «эсперанто».

Заключение

Языковые особенности юриспруденции представляют интерес как для лингвистов, так и для юристов. Отличительные особенности юридического языка определены через призму многих разделов лингвистики. Но особенности языка нормативных актов являются, помимо прочего, отражением отраслевого своеобразие (как закономерного и обоснованного, так и нежелательного), что может быть продемонстрировано на примере сопоставления максимально близких отраслей уголовного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права. Смысл поиска лингвистических и текстологических особенностей нормативных правовых актов, в том числе связанных сложными межотраслевыми взаимодействиями, — в выявлении тех же тенденций соотношения разных отраслей по форме, что и по содержанию.

²⁸ Зяблова Т. Е., Комарова Я. Б. Об особенностях текста закона // *Colloquium-Journal*. 2020. № 1-10 (53). С. 6–10.

²⁹ Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Указ. соч. С. 418.

³⁰ Лескина Э. И. Указ. соч.

³¹ Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. № 8. С. 22–37.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2003. 56 с.
- Асланян Н. П. «Комплексная отрасль права» как терминологическое недоразумение // Современное право. 2024. № 1. С. 12–22.
- Бажанов С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17. С. 6–8.
- Батюшкина М. В. Законодательные клише: специфика, виды и функции // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 7–14.
- Васяев А. А., Волощенко А. В. О едином процессуальном пространстве или о некоторых несоответствиях УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 2. С. 36–38.
- Гаспарян Н. С., Лямин А. А. Энциклопедия недопустимых доказательств. М. : Информ-Право, 2025. 304 с.
- Зюков А. М. Юридическая техника уголовного закона в нормах о преступлениях экстремистского характера // Российский следователь. 2010. № 2. С. 14–17.
- Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 399–426.
- Кострова М. Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 63–73.
- Красинский В. В. О соотношении понятий «оперативно-розыскная деятельность» и «оперативно-разыскная деятельность» // Современное право. 2012. № 8. С. 34–37.
- Курбатова Н. Б., Силенкова А. В. Семантические особенности языка в заявках на товарные знаки и знаки обслуживания // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 1. С. 72–78.
- Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. проф. В. М. Савицкого. М., 1997. 324 с.
- Лелетина А. В. Юридический язык ведомственного нормотворчества: проблемы правового регулирования и практики // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 88–102.
- Лескина Э. И. Лингвистические аспекты в гражданском процессуальном праве: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. С. 3–6.
- Малинова А. Г. Проблемные вопросы синонимических сравнений в правоведении (на примере слова «интерес») // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 11–19.
- Марфицин П. Г. Некоторые аспекты совершенствования языка уголовно-процессуального закона // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 58–62.
- Масленников М. Я. Структура и язык изложения региональных законов об административной ответственности // Административное право и процесс. 2005. № 4. С. 32–35.
- Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Юрайт, 2022. 542 с.
- Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 22–37.
- Поповская В. И. Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 29–34.
- Пучков В. О. Историческая семантика обеспечительных обязательств: язык и догма права // Вестник гражданского процесса. 2023. № 4. С. 78–92.
- Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М. : Норма, 2021. 408 с.
- Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М. : Наука, 1987. 288 с.
- Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3. С. 106–122.
- Тарасов А. А. Соотношение буквального перевода и толкования юридических терминов в уголовно-процессуальной компаративистике // Вестник СПбГУ. Право. 2024. Т. 15. Вып. 1. С. 49–66.
- Шибанова Е. В. О некоторых ошибках законодательной техники УПК РФ // Российский следователь. 2013. № 17. С. 23–26.
- Sullivan R. The Promise of Plain Language Drafting // McGill Law Journal. 2002. Vol. 47. Iss. 1. P. 97–128.

REFERENCES

- Aleksandrov AS. The language of criminal proceedings. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). N. Novgorod; 2003. (In Russ.).
- Aslanyan NP. «Complex branch of law» as a terminological misunderstanding. *Modern law*. 2024;1:12-22. (In Russ.).
- Batyskhina MV. Legislative cliches: Specifics, types and functions. *Yurislingvistika [Legal Linguistics]*. 2023;27:7-14. (In Russ.).
- Bazhanov SV. Semantic inconsistency of the term «inadmissible evidence». *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2007;17. (In Russ.).
- Gasparyan NS, Lyamin AA. *Encyclopedia of inadmissible evidence*. Moscow: Inform-Pravo; 2025. (In Russ.).
- Knutov AV, Chaplinsky AV, Alimpeev DR. The language of regulatory legal acts: Is it time to sound the alarm? *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2022;3:399-426. (In Russ.).
- Kostrova MB. Graphic and expressive means of the language in the criminal law: On the admissibility of use. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2002;8:61-73. (In Russ.).
- Krasinsky VV. On the relationship between the concepts of «operational investigative activity» and «operational investigative activities». *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2012;8:34-37. (In Russ.).
- Kurbatova NB, Silenkova AV. Semantic features of language in trademark and service mark applications. *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost*. 2024;1:72-78. (In Russ.).
- Larin AM, Melnikova EB, Savitsky VM. The criminal procedure in Russia: Lectures and essays. Savitsky VM, (ed.). Moscow; 1997. P. 58. (In Russ.).
- Leletina AV. The legal language of departmental rulemaking: Problems of legal regulation and practice. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2024;9:88-102. (In Russ.).
- Leskina EI. Linguistic aspects in civil procedural law: Problem statement. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2017;8:3-6. (In Russ.).
- Malinova AG. Topical issues of synonymous comparisons in jurisprudence (the example of the word «Interest»). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2022;2:11-19. (In Russ.).
- Marfitsin PG. Some aspects of improving the language of the Criminal procedure law. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2015;1(26):58-62. (In Russ.).
- Maslennikov MYa. The structure and language of regional laws on administrative responsibility. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2005;4. (In Russ.).
- Normography: Theory and technology of rulemaking. A textbook for universities. Arzamasov YuG, (ed.). Moscow: Yurait Publ.; 2022. (In Russ.).
- Perevozkin AA. Theoretical and legal characteristics of machine-readable law. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2024;8:22-37. (In Russ.).
- Popovskaya VI. Features of the headings of legislative texts (the example of the Federal Law «On the Basics of Public Health protection in the Russian Federation»). *Yurislingvistika [Legal Linguistics]*. 2022;25:29-34. (In Russ.).
- Puchkov VO. Historical semantics of security obligations: Language and dogma of law. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2023;4:78-92. (In Russ.).
- Rossinsky SB. Pre-trial proceedings in a criminal case: The essence and methods of collecting evidence. A monograph. Moscow: Norma Publ.; 2021. (In Russ.).
- Savitsky VM. The language of procedural law (terminology issues). Moscow: Nauka Publ.; 1987. (In Russ.).
- Shibanova EV. On some errors of the legislative technique of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2013;17:23-26. (In Russ.).
- Sitnikova AI. Legislative textology of criminal law. *Lex russica*. 2017;3:106-122. (In Russ.).
- Sullivan R. The Promise of Plain Language Drafting. *McGill Law Journal*. 2002;47(1):97-128.
- Tarasov AA. The ratio of literal translation and interpretation of legal terms in criminal procedure comparative studies. *Vestnik SPbGU. Pravo*. 2024;15(1):49-66. (In Russ.).
- Vasyaev AA, Voloshchenko AV. About a single procedural space or about some inconsistencies of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the CPC of the Russian Federation, the APC of the Russian Federation. *Zakonodatelstvo i ekonomika*. 2008;2. (In Russ.).
- Zyukov AM. The legal technique of criminal law in the norms on crimes of an extremist nature. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2010;2:14-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий
д. 32, Заки Валиди ул., г. Уфа 450076, Российская Федерация
nord-wind23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aliya R. Sharipova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
nord-wind23@mail.ru

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 20 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 09.04.2025.

Revised 20.04.2025.

Accepted 15.06.2026.